

УДК. 130.2

А.П. Коркишко*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053.**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОППЕРОВСКОЙ КРИТИКИ «ГОСУДАРСТВА» И «ЗАКОНОВ» ПЛАТОНА**

Проанализированы современные методы подхода к критическому изучению работ Платона “Государство” и “Законы”. Высказывается мнение о возможности новых интерпретаций конструкции кодекса Платона.

Прошло более половины столетия с момента публикации «Открытого общества» К. Поппера, но страсти вокруг вопросов, поднятых в ней не утихают. Далеко не все аспекты попперовского видения генезиса открытого общества сохранились в ныне действующем научном обиходе, но его вклад в корпус платоники неоспорим и общепризнан. Признавая значимость попперовских суждений, было бы ошибочно подчеркивать только их ставшую историческую ценность (критика классического историцизма и теории стадий поступательного развития общества). Подлинный смысл попперовской критики политической философии Платона начинает проступать только сейчас, когда ярче обнаружилась необходимость не только ценностных, но и теоретико-методологических интерпретаций содержания «Государства» и «Законов» Платона и их роли в острой политике либерализма и его антиподов (концепций).

Следует отметить, что отличительной чертой предложенного К. Поппером подхода, является приверженность принципам институционального анализа, прямо противоположных холистской природе исходных положений исторического объективизма. Это обстоятельство нужно постоянно иметь в виду, чтобы не нарушить аутентичный характер попперовских построений, их смысловую направленность. В этом, кстати говоря, и состоит главная трудность: с одной стороны, сохранить в неприкосновенности первоначальные смыслы попперовской теоретической конструкции, т.е. избежать соблазнов позднейших смысловых интерпретаций, с другой – избежать «герменевтизации» творений Поппера сейчас, когда в философском профессиональном сообществе ясно обозначился девиз «назад к Платону». В любом случае, заявляется стремление увидеть Платона в новом свете. На наш взгляд, стремление к новизне не должно затмевать исходные смыслы древнегреческого мыслителя [1] (Сам К. Поппер настойчиво подчеркивал необходимость борьбы с «чарами Платона»).

Об исторических приоритетах текстологических интерпретаций Платона можно говорить достаточно уверенно.

Первые попытки осуществления лингво-философского вида критики Платона были осуществлены уже киниками. Видный представитель кинизма Диоген был известен, как автор каверзного вопроса, обращенного к Платону. Он поинтересовался, представлен ли ему автор «Государства». Получив утвердительный ответ, Диоген установил, что перед ним еще и автор «Законов», написанных значительно позже. Тогда философ-киник изумился тому, как могло существовать государство без законов, ведь их в момент написания «Государства», выходит, не существовало [2].

Как видим, уже античность, пусть и стихийно, но демонстрировала внутреннюю семантическую парадоксальность грамматической формы критики, тем самым подавая «пример» современным авторам. К сожалению, такой же «продуктивный».

Обычно критики К. Поппера предъявляют ему следующую обойму претензий, которые связаны между собой и текстологически и функционально. Во-первых, (речь, прежде всего, идет о текстологическом отображении) за слабо обоснованный вывод об антигуманизме и антилиберализме философских воззрений Платона. Во-вторых, за причисление Платона к разряду политических прагматиков-циников, призывающих к безжалостному насилию «для пользы государства». В-третьих, за безосновательную попытку видеть в Платоне благословляющее начало смеси расизма с евгеникой (идея Платона, имеется в виду, об улучшении качеств правящего сословия). В-четвертых, за стремление приписать Платону попытку непосредственно вмонтировать в систему действующих социальных механизмов стадного инстинкта и родового эгоизма правящего сословия.

Рассмотрим смысл предъявленных претензий более конкретно. Смысл критических замечаний в адрес К. Поппера по первой позиции сводится, в конечном счете, к филологическому качеству переводов платоновских текстов «Государства» и «Законов». И Р. Левинсон, и Р. Робинс с пылким чувством уличают Поппера в неверном переводе отдельных терминов, а то и целых фрагментов, при этом невольно заражая и самого Поппера чувством трепетного уважения к чистоте академических одежд. Последний с энтузиазмом включается в «продуктивный» спор о подлинном значении пары выражений «прогнать, отослать» и «отправить, разделиться» [1]. Возникающее сомнение в точности перевода

отдельных фраз переносится на целокупную оценку Поппера платоновской позиции и задача критики считается достигнутой. Использованный прием аргументации в классической логике именуется созданием «мнимого следования» и в специальном разборе, в силу его очевидности, не нуждается, поскольку становится ясным, что из ложных посылок вытекают ложные следствия. Однако, при ближайшем рассмотрении, обнаруживаются доселе скрытые смысловые слои проблемы.

Известно, что классик древнегреческой философской мысли никогда не принадлежал к числу приверженцев демократии. Более того, получила известность его антилиберальная программа, во многом, кстати говоря, усилиям К. Поппера. И тогда западные критики Поппера выдвинули против него текстологически оформленные претензии, которые по сути были логически пусты, т.к. не касались содержательных сторон попперовской интерпретации. Иными словами, попперовские дефиниции со стороны западной критики не были приняты в основном по языковым соображениям. Основной же методологический прием К. Поппера – принцип фальсификации – остался в философии практически западными коллегами незатронутым, если не считать некоторых косвенных замечаний Т. Куна [3].

Казалось бы, эту неожиданно оказавшуюся свободной критическую нишу, должна была занять марксистско ориентированная критика и предъявить К. Попперу серьезные теоретико-методологические замечания по поводу осуществленной им историко-смысловой реконструкции современного Платону социума.

Однако парадоксальным образом критическое острие не коснулось сути построений критического рационализма, оставив их недоступными и критике «слева».

Если, условно говоря, критика «справа» носила формально-лингвистический характер, то критика «слева» внешне выглядела как теоретико-методологическая контраверса, но в своей глубине оставалась, по сути, своего рода идеологическим маркером, т.е. аксиологической конструкцией, которой произвольно были присвоены определенные логические значения.

Действительно, обе критикующие К. Поппера стороны ограничились по первому пункту либо буквально-лингвистическими замечаниями (например, в каком грамматическом ключе использован К. Поппером термин «лидер»), либо общетеоретическими экскападами, тогда как по логике вещей в последнем случае должен был быть представлен развернутый институциональный анализ организации властеотношений, предложенных Платоном. Осуждение Платона оказалось поверхностным в обоих случаях, поскольку денотатная сторона его высказываний осталась неприкосновенной. В случае грамматически оформленной критики ее итогом выступали те или иные концептуальные значения, смысл которых мог быть легко оспорен в силу неоднозначности связи денотата с различными уровнями смыслового бытия концепта. Например, я утверждаю три варианта внешне одинаково звучащих значения термина стол – стол, «стол» и ««стол»». Очевидно, что при сохранении одной и той же вербальной формы, смысловая сторона каждого из высказываний различна, что нередко становится источником серьезных теоретических затруднений. Если вспомнить классическое в недавнем отечественном философском обиходе определение материи – «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности» и т.п. [4], то легко можно увидеть использование того же приема, а именно: значение термина материя отождествляется со значением имени термина материи (или, говоря точнее, номинальное определение смешивается, подменяется операциональным).

Вернемся, однако, к Платону в изложении К. Поппера. Итак, если отвергнуть грамматический способ критики антилиберализма и антигуманизма Платона, то логично было бы ожидать, что метод фальсификации, являющийся центральным звеном попперовской конструкции, будет подвергнут сравнительной институциональной критике. Для этого необходимо было провести сравнение результатов трех теоретических структурных властеотношенческих построений: (1) по Платону, (2) по Попперу, (3) по канонам критики советского типа. Не смотря на грамматические издержки, получаемые при реконструкции Платона (проблема аутентичности терминологической трактовки текстов), эту задачу можно считать в принципе решенной. По факту состоялось решение и второй задачи. Третьего решения нет, поскольку оно, по сути дела, было заменено терминами аксиологического ряда.

Если К. Поппер приходил к выводу о том, что Платон укрепил антигуманизм и антилиберализм, то тогда логично было бы на примере институционально организованного анализа показать какие социальные институты, в какое время и каким образом солидарно создают человеколюбивое и свободное общество. Говоря современным языком, на уровне специальных социологических теорий необходимо было создать соответствующие социально-политической природе социального управления альтернативные модели и подвергнуть их сравнительной фальсификации, но, увы. Представляется, что проблема заключалась не столько в политизированной конъюнктуре научных воззрений разных периодов истории, а в специфической организации связи идеально-смысловой действительности и вещного мира.

Дубровский Д.И. посвятил исследованию первому вопросу весьма неординарную монографию и справедливо заметил, что перед нами «выступают новые, весьма актуальные аспекты проблемы идеального» [5]. Суть их состоит в простом вопросе: «Что распремечивается и зачем? И что не

распредмечивается и почему?» Оказывается, чтобы ответить на этот вопрос приходится совершать нелегкий шаг: сталкивать между собой целесмысловое аристотелевское «зачем» с онтологическим платоновским вопрошанием «почему?» Тогда оказывается возникает двойственность между вопросом почему мы останавливаемся на демократическом выборе и зачем он необходим как таковой, т.е. возникают два несоприкасающихся на самом деле плана проблемы: казуальный и смысловой.

Критики К. Поппера увлеклись уточнением смыслов «зачем» (грамматических либо политических), но почти оставили без внимания «почему» оттого, что лишь сравнительно небольшое число предметов социально функционируют до разрушения своей предметной формы [5]. Представляется, что поэтому возникла традиция «меморизации» творчества Платона, следуя которой, по сути, исключили платоновское наследие из активного социального бытия, поскольку только социально функционирующие предметы, т.е. включенные в контуры **всеобщей деятельности** (разрядка моя – А.К.) исторического субъекта, сопричастны миру базальных смыслов культуры.

В этой связи отметим, что попутно здесь обнаруживается еще одно любопытное обстоятельство, связанное со стремительным нарастанием объема социально-объективируемой информации, которое обусловлено трудностями эффективного общественного потребления распределенных смыслов. Ученые всего мира все чаще в этой связи вынуждены осваивать целое по части, фрагментарно видеть действительность, что неизбежно приводит как к искажению смыслов, так и к неизбежному снижению продуктивности научно-практической деятельности. Поэтому одновременно как критические замечания Р. Робинса и Р. Левинсона, так и замечания Богомолова А.С., своей продуктивной цели не достигли [6]. Во всяком случае, у авторов полной уверенности в этом не было, поэтому и возникли претензии второго, третьего и четвертого планов не столько углубляющих критику, сколько добавляющие ей объемную массу.

Достаточно ли анализа позиции Платона для вывода о его мировоззренческом гуманизме или антигуманизме? На первый взгляд, безусловно, да. Чего стоит только обвинение Платона в политическом цинизме, тесно связанное с его расистско-евгенической трактовкой процесса кадрового рекрутирования правящего сословия. По-видимому, пора отказаться от некоторых, распространенных в литературе, посвященной Платону, штампов, как, например, непосредственную теоретическую имплантацию механизмов социальной биологии в исторический процесс, поскольку под категориями «благо государства», «цели правления» может скрываться принципиально отличное от принятых трактовок содержание, не соответствующее, скрывающей его абстрактной оболочке. Достаточно сказать, что подтверждающая попытка сблизить позиции самого Платона с позицией Калликла в «Горгии» на почве грамматических изысканий с точки зрения тождественности смыслов выглядит весьма сомнительной.

Неслучайно, взгляды Поппера на творчество Платона, как нам кажется, представляют такой этап в развитии модели либерализма и гуманизма XX века, когда пропадает античностью осененная вера в сбалансированный характер связи «человек – общество – природа» и в результате значимый для античности пафос свободы и справедливости, понимаемый как платоновский полис, растворяется в духовном эгоизме современного либерализма. Дистанция между природным и социальным становится все отчетливее, даже тогда, когда зависимость человеческого начала от природы – праматери признается все более очевидной. Видимо, последнее и послужило причиной возникновения евгенических построений у Платона, которые, как известно, проистекали из принятой им концепции сословно определенного сознания, которое, в свою очередь, определялось природным началом

Итак, мировоззренческие установки философии политики, разделяемые Платоном, дали все же замечательные результаты: родилась традиция научного исследования сферы, которая и поныне сильно мифологизирована.

Следует постоянно помнить, что любой результат познания, особенно продукт критики, остается немым текстом, пока он естественным образом не распределмечивается и не превращается, таким образом, в содержательные пласты субъектного сознания. Отсюда вырастает проблема создания новых форм опредмечивания результатов научного творчества и связанных с ней задач обеспечения коммуникации различных научных школ, т.е. речь идет о возрождении сократовского отношения к тексту через призму «живого сознания».

Таким образом, речь идет не о традиционных вещах, связанных с точностью перевода платоновских текстов или достижения идеологической победы (а именно так видели в недавнем прошлом свои основные цели оба направления попперовской критики), а о достижении нового смыслового рубежа в понимании творчества Платона. Было бы ошибочным полагать, что утверждается новый, герменевтический, по сути, план пересмотра результатов анализа К. Поппера, т.е. осуществляется своего рода возврат к методологическим позициям Сократа, когда текст объявлялся темницей смысла, а «живое сознание» мыслителя только и могло обеспечивать «реальноотвечающее» существование знания. Тогда Сократу, равно как и некоторым современным субъектам критики, следует совершенно отказаться от попыток проникнуть в текст по причинам полного отсутствия смысла, так как текст содержит в себе

только то, что уже имеет, а если и можно решать задачу расширения текстового смысла, то только задавая вопросы «живому сознанию», т.е. автору.

На наш взгляд, пафос критики нового типа должен строиться на других основаниях. Во-первых, требуется достичь фиксации многослойности смысла, но не за счет углубления точности филологических аспектов [7] (повторим, что как обеспечивающее это направление сохраняет свою полезность), а путем нетрадиционных методов построения дискурса. В качестве примеров таковых, можно было бы назвать попытки построения гипертекстов, а также использование аппаратов логики оценок и многозначных логик. Во-вторых, сама процедура формирования полисмысловой реальности потребует возникновения новых форм связи предметов и методов разных наук. Например, как трактовать связь платоновских тезисов о «благое государства» с его евристической программой? Если исходить из принципа линейного построения и осмысления критики, то, в общем, Поппер прав: Платон утилитарен. Однако, если принимать во внимание общий замысел построения философской системы Платона, поэтическую природу его творчества в области знания и языка, то невольно приходится обращаться к иным заключениям, но тогда они властно требуют другой формы представленности.

Справедливости ради отметим, что разрозненные по предмету, формам и научным дисциплинам, шире говоря – формам культуры, эти попытки уже осуществлялись, но разрозненно. Построение гипертекстов, в основном, ограничилось литературными опытами хотя бы потому, что неявным остается метод сопряжения и соотнесения терминологических рядов, использованных в разных смысловых уровнях. Как, например, воспринимать фигуру Колликла в платоновской «Апологии Сократу» – то ли гротеск, то ли, действительно, похвала Сократу?

Еще запутаннее вопрос о построении и применении нетрадиционных аппаратов логики. С одной стороны, эти разработки уже есть и находят себе достаточно разнообразные использования (Г. Фреге, Б. Рассел, Х. Карри, А. Тарский, А. Ивин и др.), с другой – полученные результаты, по общему мнению, по сравнению с затраченными усилиями мизерны [8]. Дело, вероятно, состоит в том, что требования универсального неверия, которое, кстати, характерно и для К. Поппера, само внутренне противоречиво, а потому, построить согласные между собой процедуры мета- и объект- анализа пока не удастся.

Таким образом, самой сложной остается проблема организации связи различных дисциплинарных дискурсов. Помимо традиционных сложностей, связанных с предметной стороной дела, существует задача теоретической «конверсии» высказывания во внешне тождественной форме высказывания, например, «социология культуры» и «культурная социология». Вроде бы просто...

И снова, обращаясь к Платону и Попперу. По всей вероятности, еще рано ставить окончательный диагноз творчеству древнегреческого мыслителя, тем более, опираясь только на разработки и достижения только одной научной школы.

Библиографический список

1. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. — М.: Феникс, 1992. — Т. 1. — 618 с.
2. Антология кинизма. — М.: Наука, 1984. — С. 137–141.
3. Структура и развитие науки. — М.: Наука, 1978. — С. 79–81.
4. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // Собр. соч. — Т. 18. — М., 1976. — С. 131.
5. Дубровский Д.И. Проблема идеального / Д.И. Дубровский. — М.: Мысль, 1983. — С. 207–208.
6. Богомолов С.А. Буржуазная философия США XX века / С.А. Богомолов. — М.: Наука, 1974. — С. 147–149.
7. Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
8. Ивин А.А. Искусство правильно мыслить / А.А. Ивин. — М.: Мысль, 1990. — 203 с.

Поступила в редакцию 15.09.2008 г.